

УДК 338.7 (470)

БОРЬБА С БЕДНОСТЬЮ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ С ПОЗИЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ЗАПАДНОЙ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Шаяхметова В.Р.

ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия (614990, Пермь, ул. Сибирская, 24), e-mail: perm_venera@mail.ru

Статья посвящена оценке и интерпретации иностранными учеными-аналитиками ключевых проблем социально-экономической трансформации в современной России. Многие из них указывают на желание российских реформаторов придать системам социального обеспечения и социальной защиты состояния, идентичного основам неolibеральной идеологии и новым социально-экономическим условиям в России. Автор представил позиции неolibеральной идеологии и степень ее реализации на основе анализа объективных данных (благополучие, доступность социальных благ населению). Новизна статьи состоит в том, что автор отмечает ограниченные усилия государственных структур в борьбе с бедностью и медленное развитие новых институтов социальных отношений. Исходя из этих причин социальные издержки и последствия либеральных реформ в России по-прежнему носят тяжелый характер для большинства россиян. Автор статьи настаивает на выводе о том, что понятиями западной методологии нельзя оценивать масштаб социальной катастрофы (а именно — утраты доступа широких групп населения к элементарным условиям существования) в России. Социальная политика в России должна стать инструментом общественного согласия и достижения политической стабильности.

Ключевые слова: идентичность, бедность, неolibеральная идеология, социальная политика; реформирование; социальная справедливость.

THE FIGHT AGAINST POVERTY IN MODERN RUSSIA FROM A POSITION OF IDENTITY OF THE WESTERN NEOLIBERAL IDEOLOGY

Shayakhmetova V.R.

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia (614990, Perm, street Sibirskaya, 24), e-mail: perm_venera@mail.ru

Article is devoted to the evaluation and interpretation of foreign scientists and analysts, the key issues of socio-economic transformation in Russia. Many of them refer to the desire of Russian reformers to give the systems of social security and social protection status identical to the basics of neoliberal ideology and the new socio-economic conditions in Russia. The author presented the position of the neo-liberal ideology and the extent of its implementation on the basis of the analysis of objective data (well-being, access to social benefits to the population). The novelty of this paper is that the author notes the limited efforts of government agencies in the fight against poverty and the slow development of new institutions of social relations. For these reasons the social costs and consequences of liberal reforms in Russia still are severe for most Russians. The author insists on the finding that the concept of Western methodology can not be assessed scale social disaster (- namely, loss of access to broad groups of elementary living conditions) in Russia. Social policy in Russia should be a tool for social cohesion and political stability.

Keywords: identity, poverty, neoliberal ideology, social policy; reforming; social justice.

Россия стала главной разменной картой американской геополитики. Новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счет России и на обломках России.

З. Бжезинский [1, с.41]

Как известно, в России либеральное мировоззрение впервые появилось в XVIII веке, приняв иные, чем на Западе, формы в силу отсутствия необходимой социальной базы. После

развала СССР идеи либерализма были положены в основу реформирования советской социалистической системы. Новая социальная политика в России должна была базироваться на законодательно закреплённом, гарантированном каждому гражданину минимуме социальных благ с учетом региональных и историко-культурных особенностей страны, и представители разных ветвей власти должны были реализовывать социальную и гуманитарную ответственность перед гражданами.

В выступлениях первых лиц государства главным лейтмотивом проходила идея необходимости равных стартовых возможностей и социальных гарантий для всех групп населения. Предполагалось, что при решении данной проблемы в России будут обеспечены благоприятный морально-политический климат и необходимые условия для сохранения и преумножения человеческого капитала.

Но при общей оценке социально-экономической ситуации следует отметить, что конституционная характеристика Российского государства как «социального» не получила практической реализации. Государственные структуры, регулируя социально-экономические отношения, так и не справились с возложенной на них миссией – рыночные отношения в России не стали социально ориентированными, приняв квазирыночный характер. Перераспределение полномочий в социальной сфере между федеральной и региональными уровнями власти, монетизация льгот и реализация отдельных национальных проектов не добавили социального оптимизма населению [7, с.1245-1249].

Социальные обязательства государства перед населением с момента реформ реализовывались в условиях бюджетных ограничений и были представлены минимальной сетью гарантий защиты от рисков рыночной экономики. Российское правительство во главе с Е.Гайдаром, находясь на позициях нелиберальной идеологии, утверждало, что «неведомая рука рынка» создаст не только равноправные формы собственности, но и будет способствовать принятию либеральной идеологии широкими группами населения, как единственно возможной для выхода из кризиса.

Программа радикальных действий власти не содержала упреждающих социально-экономических механизмов, в первую очередь - обязательных социально-гуманных изменений с обращением к интересам населения. Данная программа закономерно привела к резкому снижению уровня жизни и доходов большинства россиян, скрытой безработице. Государство, по сути, самоустранилось от решения социальных вопросов, и ответственность за массовую бедность нелибералы возложили на самих бедных, которые, по их мнению, оказались не способны личными усилиями решить проблемы жизнеобеспечения.

Проблемы стратегии модернизации в России активно исследуются российскими учеными, обсуждаются в западных СМИ, дискуссионных клубах и научных кругах.

Российская повседневность, потенциал, ресурсы и задачи социально-экономических реформ – это ключевая тема в работах известных западных авторов (Дж. Стиглиц, Р. Макинтайр, Дж. Сакс, А. Ослунд, В. Адамс и др.). Некоторые из них принимали непосредственное участие в разработке вариантов экономической реформы в качестве советников Правительства России и экспертов Международного валютного фонда и казначейства США в период с 1991 по 1994 гг.

Эти авторы признавали, что до конца 80-х гг. в СССР в условиях государственного патернализма существовал относительно одинаковый уровень потребления, который нивелировал имущественное и материальное положение советских граждан. Рынок как безальтернативный способ трансформации российской экономики, соответственно, на данном фоне должен был вызвать резкую дифференциацию доходов и массовое недовольство реформами. Дж. Сакс и А. Ослунд считают, что Россия при любом сценарии трансформации не смогла бы избежать «трудностей роста» рынка на разбитом фундаменте плановой экономики, а что касается несовместимости имевшихся в России ценностей общности и коллективизма с западным индивидуализмом, то эти утверждения, по их мнению, не имеют оснований [5].

Явное нежелание Дж. Сакса, А. Ослунда и Л. Туроу видеть определенные достижения советской модели социального обеспечения, и возможности социально-экономических реформ в умеренном варианте обедняет их исследования в содержательном плане. Прыжок в рынок из плановой экономики советского типа, не имевший исторических аналогов, представлялся исследователям рискованным, но обязательным условием для интеграции России в мировую экономику. По мнению В. Адамса и Дж. Брока, Россия в силу иных исходных условий, чем у иных государств постсоциалистического блока, была вынуждена платить более крупный регрессирующий налог, но по мере формирования «здорового» рынка (читай – социально-ориентированного) в России население также, как и в любой другой стране Восточной Европы, примет идею рынка.

Правительство Ельцина-Гайдара и его современные последователи некритически заимствовали элементы неолиберальной модели социально-экономических отношений. В итоге реформы значительно ослабили основы государства и продолжают снижать степень его участия в жизнеобеспечении граждан. Следствием «шоковой терапии» стали не только растущий децильный коэффициент (разрыв в уровне доходов между верхним и нижним десятипроцентными уровнями населения), но и негативное социальное самочувствие людей, воздействовавшее на общественно-политические и демографические процессы в стране.

В этих условиях, по мнению А.Ослунда «... было сделано крайне мало для создания системы социальной защиты действительно бедных людей. Бедные слои общества...

оказывались недостаточно организованными, чтобы выдвинуть представителей для защиты своих политических интересов» [4, с.504]. Дж. Сакс, В. Адамс и Дж. Брок уверены, что социальные последствия капитализации в России носят тяжелый и опасный характер для последующего развития страны. Пока правительство и СМИ убеждают общество в «стабилизации» и «оздоровлении российской экономики», основываясь на завышенных среднестатистических показателях уровня жизни населения, в реальной действительности отмечается иное: значительный провал бюджетного сектора экономики, резкое удешевление рабочей силы и низкие затраты на обеспечение воспроизводства рабочей силы.

Зарубежные авторы в условиях инфляционного роста выделили одну из специфических особенностей реформ в России; формирование значительных групп «работающих бедняков», для которых наличие образования и рабочего места не является гарантией от бедственного положения. Несмотря на призывы власти к социальному партнерству, в России по-прежнему воспроизводятся различные источники социальных конфликтов, среди которых преобладают рост социального неравенства, углубление имущественной дифференциации, отсутствие равных стартовых возможностей и др.

А. Ослунд, наоборот, отрицает серьезность оценки состояния и динамики социальных реформ: «... травма, нанесенная социальной сфере (в результате радикальной реформы — от Авт.) значительно преувеличена» [4, с.447]. Так в российском обществе отмечается особая ситуация, при которой большинство граждан не принимают реформы, поскольку они объективно ухудшают их социально-экономические позиции, но при этом, памятуя о советском товарном дефиците и уравниловке, не желают возвращения к советской модели общественных отношений. А. Ослунд приходит к выводу о том, что российские граждане в этой реальности «чувствуют себя неуверенно» и в силу своей политической и экономической неосведомленности не доверяют планам правительства [3, с.380-381]. Реформирующиеся системы социальной защиты и социального обеспечения сложны и запутаны с административно-управленческой точки зрения, и зачастую зависят не от буквы закона, а от произвола чиновников.

В западных государствах всеобщего благосостояния властные элиты в условиях мирового экономического кризиса находятся в поиске социальных моделей, направленных на решение проблем неравенства в доступе к материальным благам и на решение проблемы роста оплаты труда. В России же при заимствовании (прямом копировании) основ нелиберальной идеологии рынок труда реформируется таким образом, что нацеливается только на воспроизводство низкооплачиваемых рабочих мест. Реформаторы пытаются компенсировать низкие заработные платы адресными социальными выплатами, но ситуация «девятидесятых» и «нулевых» годов показывает реальное снижение оплаты труда в целом.

Р. Макинтайр назвал рекомендации Международного Валютного Фонда, реализованные российскими реформаторами, политикой «безответственного государства», поскольку они, по его мнению, привели к постепенному освобождению российского правительства от обременительных социальных проблем, за период перехода к рынку в России фактически не была выстроена система защиты бедных [2, с.144]. Россия, как утверждает Макинтайр, не готова к селективной социальной политике, к выборности и адресности предоставления социальных льгот. В условиях децентрализации только государство способно решить проблемы хронической бедности и социального неравенства путем универсальной социальной политики, стимулированием высокого уровня инвестиций не только в производство, но и в человеческий капитал. Ученый подчеркнул необходимость ответственного присутствия российского государства в тех областях, «... где доступ к основным благам и условиям является несправедливым», т.е., в первую очередь, в системах образования и здравоохранения.

Дж. Стиглиц в качестве причин неудач транзитного периода в России видел скрупулезное следование российских реформаторов канонам рыночных отношений: «... отчасти проблема состоит в чрезмерном доверии к моделям экономики, почерпнутым из учебников, которые могли быть удобны для обучения студентов, но на них нельзя опираться при консультировании правительств, пытающихся воссоздать рыночную экономику...» [6]. Гипертрофированные надежды на Запад как на источник консультационно-финансовой помощи сохраняются и по сей день, поскольку многие из представителей правящей элиты проблемы модернизации рассматривают только в организационно-технологическом и финансовом ракурсах.

Зарубежные ученые отмечают недостаточную изученность ряда основных проблем и направлений обновляющейся социальной политики России в переходный период на базе идей неолиберальной идеологии. Несмотря на то, что западные эксперты и исследователи оперируют иными «измерителями» - индикаторами и методиками, разработанными для оценки благополучной социальной ситуации в западных демократических государствах, они подчеркивают, что социальное прогрессивное развитие России блокируется многими факторами. Среди этих факторов особенно выделяют следующие: асоциальные результаты реформ; коррумпированность чиновников; их беспомощность при решении социальных и экономических проблем. Наибольший асоциальный эффект оказывают приверженность правящей власти разрушительному курсу реформ, которые не оправдывают надежд большинства населения.

Рыночная экономика в России по-прежнему остается самоцелью, а не средством достижения конкурентоспособной экономики и высокого качества жизни населения.

Абсолютное сокращение производства и деиндустриализация вызвали скрытую безработицу, что создает опасность неконтролируемого роста социальной напряженности в отдельных регионах и дальнейшего разрушения человеческого потенциала.

Можно говорить о слабой степени разработанности концептуальных подходов к формированию социальной политики в России, об отсутствии сотрудничества государства, институтов гражданского общества и предпринимателей в решении социальных проблем. Несмотря на численный рост частных и благотворительных организаций, их позиции слабы и сфера их влияния на социальные процессы ограничена. Важнейшую роль в становлении социального государства должны сыграть общество и бизнес. Но, с одной стороны, представители общества и бизнеса не могут выстроить диалог с незаинтересованной в их усилиях властью, а, с другой стороны, они пока не преодолели патерналистских стереотипов восприятия государства, как главного инициатора и контролера всех социальных процессов.

Эксперты настаивают на том, что социальная политика в России должна стать инструментом согласия, достижения политической стабильности и, самое главное, формирования твердого и прочного фундамента для реформ.

За период реформ в России накоплен опыт формирования и внедрения механизмов организации и предоставления помощи социально уязвимым слоям населения на принципах адресности, начата подготовка квалифицированных кадров для работы в социальной сфере, расширена нормативно-правовая база социального обеспечения, адекватная требованиям либеральной экономики. Исходя из анализа местных условий и финансовых возможностей, региональные исполнительные органы власти разрабатывали и реализовывали социальные программы, сохранили и обеспечили нормальное функционирование учреждений социальной сферы. Все официально зарегистрированные бедные получают установленный федеральным и региональным законодательством уровень социальных гарантий. Постепенно разрабатывается система социальных услуг и начата деятельность по удовлетворению потребностей населения в социальном жилье, обеспечении лекарственными препаратами, социальном транспорте и т.п.

Решению имеющихся социально-экономических проблем развития в России (в первую очередь – снижение объемов бедности населения) поможет точный анализ преимуществ или точек роста, который в дальнейшем позволит сформировать систему согласованных целевых социальных программ. На сегодняшний день существует необходимость в широком внедрении инновационных технологий социального управления, ориентированных на стимулирование развития человеческих ресурсов на региональном и федеральном уровнях. Активная политика власти по минимизации бедности может стать реальным средством не

только обеспечения благосостояния граждан, но и полноценного функционирования социального государства и гражданского общества.

Список литературы

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. - М., 1998.
2. Макинтайр Р. Социальная политика в странах с переходной экономикой в аспекте развития человеческих ресурсов // Проблемы прогнозирования. - 2002. - №2.
3. Ослунд А. Россия: возрождение рыночной экономики. - М., 1996.
4. Ослунд А. Строительство капитализма. Рыночная трансформация стран бывшего советского блока. - М., Логос, 2005.
5. Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия. - М., 1995; Ослунд А. Шоковая терапия в Восточной Европе и России. - М., 1994; Ослунд А. Россия: возрождение рыночной экономики. - М., 1996; Адамс В., Брок Дж. Адам Смит шагает по Москве: диалог о радикальной реформе. - М., 1994.
6. Стиглиц Дж. Куда ведут реформы // Вопросы экономики. 1999. №7.
7. Шаяхметова В.Р. Проблемы идентичности западной и российской моделей социального государства // Фундаментальные исследования. 2013. №4-5– С. 1245-1249

Рецензенты:

Шестова Т.Ю., д.и.н., профессор, НОУ ВПО «Западно-Уральский институт экономики и права», г.Пермь.

Суслов М.Г., д.и.н., профессор, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г.Пермь.